

РАЗГОВОР О ПЕТРЕ БИЦИЛЛИ: СУДЬБА, НАСЛЕДИЕ, АКТУАЛЬНОСТЬ

Roman Mnich

Uniwersytet Warszawski
e-mail: mnichrw@yahoo.de

Tetiana Popova

Uniwersytet w Odessie
e-mail: ikrbl@wp.pl

Abstract: Prezentowana rozmowa poświęcona jest najnowszej książce Tatiany Popovej na temat Petra Bicilli. Rozmowę przeprowadził Roman Mnich z Uniwersytetu Warszawskiego.

Keywords: Petr Bicilli, Tatiana Popova, książka, historia literatury, życie naukowe

A CONVERSATION ABOUT PETER BICYLLI: FATE, HERITAGE, IMPORTANCE

Abstract: The presented interview is dedicated to Tatiana Popova's latest book on Petr Bicilli. The interview was conducted by Roman Mnich of the University of Warsaw.

Keywords: Petr Bicilli, Tatiana Popova, book, history of literature, academic life

Наш разговор во многом обусловлен выходом в свет книги профессора Одесского национального университета имени И.И.Мечникова Татьяны Николаевны Поповой. Эта книга *Петр Михайлович Бицилли: портрет в манере „сфумато”* (Одесса 2021) посвящена одному из самых известных историков русской эмиграции – Петру Бицилли (1879– 1953), но вместе с судьбой и наследием ученого автор монографии рассматривает целый ряд других проблем, важных как в чисто научном отношении (историография), так и в сегодняшнем гуманитарном дискурсе (Anno Domini 2022).

PM: Я предлагаю начать наш разговор с вопроса о том, как Вы в своей научной работе пришли к личности и наследию Петра Бицилли и чем особенно он Вас заинтересовал/заинтриговал?

ТП: Мое главное направление исследований – *историография как история исторической науки*, проблемы институционализации и дисциплинаризации историографии в восточноевропейской традиции во второй половине XIX – начале XX века. В связи с этим меня заинтересовал вопрос: кто из профессуры Новороссийского (Одесского) университета читал курсы по истории исторической науки и занимался исследованием этой области рефлексивного знания. Так я „вышла“ на *Петра Михайловича Бицилли*, который с 1917 года начал читать в тогдашнем Новороссийском университете специальный курс „История историографии“. Поскольку западноевропейская и восточная традиции различаются по именному маркеру этой дисциплины (на Западе – это „история историографии“, а в университетах Российской империи – преимущественно „историография“), и в данный период еще не произошло конституирования дисциплины, ученые употребляли разные варианты названия. Об этом я писала специально в своих книгах *Историография, биоисториописание, бициллиеведение: теория, методология, практика* (Одесса 2022, с.10– 112) и *Петр Михайлович Бицилли: портрет в манере „сфумато“* (Одесса 2021, с.336–366).

П.Бицилли, вероятно, под влиянием известного итальянского историка и философа Бенедетто Кроче (1866–1952) избрал формулу „история историографии“. Изучение опубликованных трудов П.Бицилли одесского периода, а также его фундаментальной монографии *Очерки теории исторической науки* (Прага 1925) с неизбежностью заставили меня „всмотреться“ в автора – я обратилась к работам первых бициллиеведов (конец 1980–х и 1990–е годы) и сделала вывод о том, что одесский период жизни ученого практически не изучен, что и побудило меня заняться архивными поисками (результаты которых – в моих книгах). К 1999 году в общих чертах биографический контур ученого был сконструирован, но только к началу 2021 года появилась относительно завершенная концепция биографии и личности ученого. Тексты Петра Михайловича меня „захватили“ своей нестандартностью, глубиной, необъятностью проблемных линий, изысканной стилистикой; погружение в них представлялось бесконечным...

РМ: Вы упомянули книгу П.Бицилли 1925 года *Очерки теории исторической науки*, которая, по-моему, не столько монографическая, сколько „очерковая“ (что отражено и в названии), и главное – философская и гуманитарная по своей сути. Чем эта книга может быть интресной именно для историка? Все-таки предлагаемые теоретические концепции автора в большей мере касаются искусства вообще и даже шире – культуры, нежели собственно истории (как описания событий). Или у П.Бицилли уже тогда был другой взгляд на историю как науку?

ТП: *Очерки* (1925) можно назвать монографией, так как эта работа, во-первых, готовилась П.Бицилли „под“ защиту докторской диссертации, а во-вторых, как

известно, монография – это научный труд, посвященный конкретной научной проблеме. Данное определение – стержневое для жанра монографии. Нормативы научных исследований в области истории (формирование которых активно шло на протяжении XIX и в начале XX века в процессе профессионализации европейской „университетской науки“) требуют от подобного вида (научного жанра) работ принципиальной новизны при раскрытии проблемы: а) ее постановки; б) фактуальной базы; в) концептуальных и г) теоретико-методологических оснований. Эти нормативные требования содержательного характера – неизменны и в наши дни. Что же касается таких параметров, как „объем“, структура, стилистика, формулировки названия книги и разделов, оформление и прочие – все они имеют определенную „ситуационную заданность“ и зависят от правил, которые устанавливаются в конкретный период развития науки (шире – культуры). Причем выработка этих правил обусловлена объективно– субъективными факторами, „образцами“ историописания, сложившимися в дисциплинарных научных сообществах и принимаемыми за эталон, и характеризуется значительной вариативностью в регионально– национальных измерениях.

Для историографической практики в Украине и России XIX–начала XX века не было характерным применение термина „монография“. Многочисленные фундаментальные исследования известных авторов выходили с названиями: „Очерки“, „Опыт“, „Экскурс“, „Этюд“ и прочими. Это, например, такие исследования, как: Владимир Иконников: *Опыт русской историографии* (Киев 1891), Михаил Грушевский: *Очерк истории украинского народа* (Санкт–Петербург 1911), Федор Леонтович: *Очерки истории литовско–русского права* (Санкт–Петербург 1894) и другие. При этом структура, литературный стиль, оформление научного аппарата имели довольно широкий диапазон различий.

Петр Михайлович всегда шел „против течения“, следуя за своим университетским наставником профессором Евгением Щепкиным (1860–1920), и не признавал никаких шаблонов и трафаретов, поэтому его труд, получивший достаточно распространенное название *Очерки*, по своей структуре и содержанию приобрел собственный неповторимый облик.

Очерки П.Бицилли посвящены проблеме исторического синтеза: „Проблема исторического синтеза составляет главное содержание настоящей книги“ (П.М.Бицилли: *Очерки теории исторической науки*. Санкт–Петербург 2012, с.18). Решение этой проблемы, которую П.Бицилли считал *центральной* проблемой *теории истории* и *новой* проблемой современной ему исторической науки (там же, с.40), автор осуществляет в контексте его понимания *теории истории*, на основе интердисциплинарного подхода и анализа основных направлений исторической мысли в Европе, то есть в *историко– историографическом* ключе.

Поражает источниковая база работы. Своеобразием индивидуального почерка Бицилли–ученого, представителя научной историографии, является его

обращение к разным видам познавательной деятельности – научному и „не-научному”, к различным формам, в которых воплощалось постижение истории: исследовательским работам, философским трудам, произведениям искусства, литературным шедеврами и так далее. Источниками для *Очерков* стали как классические произведения, начиная от Геродота и Фукидида, так и новейшие (начало XX века) труды европейских ученых (включая и Россию) по истории, философии, социологии, истории искусства, литературы, науки. Около пятисот имен – знаменитых писателей, ученых и мыслителей, художников и композиторов, а также малоизвестных авторов, привлечших внимание П.Бицилли, – „вошли” в страницы этой книги.

В итоге ученый приходит к следующему выводу. История / исторический процесс – это непрерывный поток психической жизни, в котором каждый миг – момент – „есть нечто качественно единственное, специфическое, неповторимое”, обладающее своей собственной индивидуальностью. Отдельные моменты истории переходят из одного в другой, и провести четкие грани между ними невозможно. В то же время в силу специфичности и неповторимости каждого момента общий процесс, непрерывный и слитный, разбивается на бесчисленное количество отдельных звеньев. Историк может „перемещаться” лишь поочередно в отдельные моменты прошлого, но психически, интуитивно постигая отдельный момент, он „переживает всю историю”. Поэтому исторический синтез для П.Бицилли возможен только как *синтез „момента”*.

Для ученого характерна методика многократного подхода к одной и той же проблеме, которая не только варьировалась им в разнообразных ракурсах своего восприятия, но и в обозначениях – „терминологической оболочке”. Этот подход к „сотворению” текста обуславливает поиск нитей, связывающих одну мысль, разбросанную в многочисленных смысловых блоках, „выкристаллизацию” этой мысли из параллельных потоков ее многообразного воплощения. Тексты П.Бицилли – и в первую очередь *Очерки* – нельзя просто „прочитать”: в них нет привычной логики „последовательности”. Его последовательность нужно понять, найти эти связующие нити, неоднократно перечитывая прочитанное и возвращаясь к пройденному.

Некоторые современные исследователи творчества П.Бицилли обращают внимание на определенную *незавершенность* многих его работ и концепций. Возможно, причина своеобразной „незавершенности” текстов и мыслей ученого в том, что П.Бицилли видел „завершенность” в „незавершенности” и по примеру Леонардо да Винчи, который, как известно, не завершал своих картин, не стремился к каноническому оформлению и своих работ, и своих идей. П.Бицилли „кружил” вокруг глобальных проблем *исторического ведения* (терминология П.Бицилли), повторяя вновь и вновь основную идею – мелодию и насыщая ее новыми смыслами в поисках совершенства, которого, по его убеждению, достичь

в науке (в отличие от искусства) было невозможно. *Незаконченность / незавершенность* для П.Бицилли это – „бессознательно используемый безошибочный художественный прием”: он отмечал у А.Пушкина и В.Брюсова стихотворения – „отрывки”, которые начинаются и заканчиваются „полустигмией”; у Р.Шумана – музыкальное произведение завершается концовкой – „паузой”, у И.С.Баха – инверсия мажорного и минорного аккордов для окончания и целого произведения. „Внешняя незаконченность”, по П.Бицилли, строго обусловлена замыслом произведения, в котором абсолютно адекватны „внутренняя” и „внешняя” формы (*Образ совершенства*, 1937).

Очерки – труд, который представляет собой своеобразный ответ на вызов времени и обстоятельств, в которых оказался П.Бицилли как эмигрант. Борис Соломонович Каганович, которого можно по праву назвать первым бициллиеведом в России, недаром назвал эту книгу „OPUS MAGNUM” (П.М.Бицилли: *Очерки теории исторической науки*. Санкт-Петербург 2012, с. 406–411). В этой фундаментальной работе сфокусирован упоминаемый выше синтез „момента” как проявление „духа” индивидуальной неповторимости Петра Михайловича. Именно в этом труде – важнейшем для понимания категориального профиля ученого, П.Бицилли наиболее полно и четко выразил свое „мировоззрение” и „мироощущение”, именно текст *Очерков* позволяет высветить личностные грани их автора как ученого и человека. *Очерки теории исторической науки* П.Бицилли не только аккумулировали профессиональный опыт ученого, но стали своеобразным „источником” идей и положений, которые получили свое дальнейшее развитие в его последующих работах.

Что касается специфики творчества П.Бицилли, то он не историк *событийной истории*, он вообще не „узкий” историк, хотя историю он называл „Царицей Наук”. Его можно отнести к тому направлению, которое в современной науке получило название *интеллектуальная история* с ведущей составляющей – *культурологической*. „Мировоззрение” и „мироощущение” (терминология ученого) П.Бицилли в своих основных чертах сложились в одесский период. К началу 1920-х годов профессиональная зрелость П.Бицилли и его научная индивидуальность были отчетливо выражены в осознанной рефлексивной позиции, проектируемой через взаимосвязь теоретических и историографических аспектов его исследовательского подхода. История *метода* (в широком значении этого понятия) стала главным объектом познавательной деятельности ученого во всех сферах гуманитаристики, которых он касался. И все последующее многогранное творчество П.Бицилли, в какой бы области он не работал, было пронизано чувством историзма и стремлением понять интеллектуальный процесс через проникновение в механизм производства и изображения Мысли. Творчество П.Бицилли – полидисциплинарно по своему диапазону и интердисциплинарно

в подходе к постижению исторической реальности, включающей культурно– интеллектуальный ландшафт.

РМ Мой вопрос об *Очерках* был связан с тем, что в этой книге П.Бицилли собственно исторические события (войны, смены корелей или пап) уходят на задний план: в книге ведь представлена своеобразная попытка интерпретации европейской культурной парадигмы в ее исторических проекциях. И в этом смысле П.Бицилли предстает уже не как историограф, а как философ культуры („всякая история есть история культуры”, – скажет он в *Очерках*, с.14–15 упомянутого издания). Возможно, что философский уклон был необходим ему для обоснования метода, о котором Вы говорите, но ведь и этот метод применялся к фактам культуры. Ведь Возрождение или романтизм П.Бицилли рассматривает с опорой на литературные произведения и концепции, а не исторические даты, периоды правления партий или королей в отдельных странах. Возможно, именно в этом состоял новый подход в историографии, когда объектом описания для историка становится факт культуры. В этом смысле особенно поражает экскурс в *Очерках* о понятии „дух времени” у Й.В.Гёте. Думаю, что когда *Очерки* П.Бицилли были переизданы в России в 2012 году, стало понятно, что их нужно было переиздавать в начале 90–х, когда возвращалась основная масса эмигрантских текстов и эти тексты активно читались. Позже, конечно, хлынул поток запрещенной в Советском Союзе литературы самого разного толка, и *Очерки* как бы затерялись. Я хотел бы спросить о том, можно сравнивать *Очерки* П.Бицилли с какими–то подобными публикациями русских или европейских историков (меня не покидает мысль, что это книга больше философская нежели историческая). Если говорить о медиевистах, то кажется, что П.Бицилли больше тяготеет к философу Л.Карсавину, нежели историку А.Гуревичу. Как Вы думаете?

ТП: „Открытие” и „освоение” трудов П.Бицилли в европейских странах, в Болгарии, а также в Украине и России имеет свою специфику. Я немного затронула этот вопрос в разделе *Бициллиана: историографический контур* (*Петр Михайлович Бицилли: портрет в манере „сфумато”* (Одесса 2021, с.50–107), предложив свою периодизацию развития бициллиеведческих исследований, однако это – предмет для специального анализа. Следует учитывать и тот факт, что первое издание *Очерков* сохранилось далеко не во всех библиотеках и не было в широком доступе. Знаю из писем Елисаветы Петровны Ивановой–Аначковой (1936–2016), внучки Петра Михайловича, что в Болгарии планировали работу по переизданию этой книги, но инициатора, который бы отважился на эту миссию, не нашлось.

Очерки – книга из очень сложных для публикации, и нужно отдать должное профессору Б.Кагановичу (1952–2021), который решился и сумел со своими

коллегами переиздать этот труд П.Бицилли на высоком научном уровне. Причем к этой работе он подходил поэтапно: в 1995 году была переиздана книга *Элементы средневековой культуры*, в следующем году *Место Ренессанса в истории культуры*. Издание также ряда очень ценных сборников с текстами П.Бицилли в России и комплекса его работ в Болгарии способствовало тому, что специалисты из разных дисциплинарных миров – историки, философы, филологи, социологи, политологи, культурологи – с 2000-х годов активно включились в процесс освоения Бицилли, и каждый из представителей этих дисциплин нашел нечто свое в этой неисчерпаемой по космосу идей и мыслей книге.

В *Очерках* П.Бицилли прежде всего сконцентрировал свое внимание на проблемах понимания природы исторического мышления и жизневосприятия, а также на эволюции исторического ведения, и эту по сути двуединую проблему он решал через анализ „разнообразных модификаций исторической мысли в процессе ее развития”, поэтому его обзор „главных направлений исторической мысли в Европе”, осуществленный в книге, можно расценивать как „восполнение” (хотя из скромности, автор этот факт опровергал) трудов по истории историографии (П.М.Бицилли: *Очерки теории исторической науки*. Санкт-Петербург 2012, с.41–42). И, разумеется, эти проблемы нельзя было рассматривать без привлечения огромного массива философской литературы, поскольку рефлексивный уровень гуманитарного знания с его институционально– дисциплинарными демаркациями имеет очень подвижные границы, а для П.Бицилли рефлексивный океан был единым и неделимым.

Что касается того, к кому „тяготеет” П.Бицилли, я бы сказала – ни к кому. Он с большим пиететом относился к великим мыслителям и ученым от древности до современности, однако ни один из них не остался без критических комментариев ученого. Льва Карсавина (1882–1952) Петр Михайлович уважал как философа, но во многом с ним не соглашался. Об этом свидетельствует хотя бы раздел *Новая философия истории* в *Очерках*, который П.Бицилли дописывал срочно, когда его книга „была уже сдана в печать” (как пишет сам автор): поскольку в это время вышла *Философия истории* Л.Карсавина (Берлин 1923), и Петр Михайлович не мог на нее не отреагировать.

П.Бицилли признавал созвучия и влияния, но никогда не допускал прямого отождествления себя с каким– либо ученым, направлением или научной школой.

РМ: Мне П.Бицилли ближе, конечно, как литературовед, и я не так хорошо знаю его собственно исторические работы. Отсюда мой следующий вопрос: насколько и как он использует литературоведческий материал в своих исторических концепциях?

ТП: Работы П.Бицилли сложно разделять по дисциплинарному принципу, если, конечно, это не касается его рецензий на литературные произведения, хотя и этот жанр всегда философски „нагружен”. *Очерки* (1925), например, труд – историко–историографический, философский, культурологический, отчасти литературоведческий. *Экскурсы* в этой книге – своеобразные мини– эссе, набросанные легкими мазками в „манере сфумато”.

И так можно сказать о многих работах Петра Михайловича. Этот подход сложился уже в одесский период. Такие его книги, как *Салимбене* (1916), *Падение Римской империи* (1919), *Элементы средневековой культуры* (1919) и другие нельзя четко „уложить” в конкретные дисциплинарные рамки и обозначить исключительно *историческими*, тем более что из всех направлений исторического познания/исследования он выделял особо *историю культуры*.

Его рассуждения по конкретному вопросу часто сопровождаются аналогиями из разных областей искусства – музыки, живописи, архитектуры. В его рецензиях на литературные произведения присутствует исторический контекст. Его портреты писателей и ученых психологически точны. Палитра его подходов к изображению Идеи/Мысли всегда насыщена множеством оттенков из разнообразия огромного знаниевого фонда, которым обладал ученый. Знаменитый постулат П.Бицилли – *Единство в многообразии*, который он заимствовал в первую очередь у Николая Кузанского и других диалектиков, – для ученого стал и базовым методологическим тезисом в его подходах к анализу и изображению разнообразных проблем.

РМ: Из сказанного Вами понятно новаторство историографии П.Бицилли. Если раньше историки были заняты историческим фактом (событием, личностью) и его интерпретацией, то у П.Бицилли как бы произойдет поворот в сторону истории идеи, концепции, которые, как он считает, движут историей. И Вы говорите, что такой „уход” от традиционной исторической науки мы наблюдаем у П.Бицилли и раньше, чем были напечатаны *Очерки*. В связи с этим вопрос, насколько был П.Бицилли пионером как историк? Или же это общие тенденции, связанные с кризисом позитивистского историописания?

ТП: Безусловно, позитивистская парадигма в начале XX века перестает быть эталонной, хотя и не исчезает. Я бы остереглась при всем почитании наследия Петра Михайлович и его самого как личности и ученого назвать его „пионером” в новом историописании – он был одним из первых историков–теоретиков, но, конечно, блистательным и неординарным. На рубеже XIX–XX веков отчетливо о себе заявила историческая рефлексия в своем уже начавшемся институцио-

нальном облике – *история историографии*, что и обусловило появление принципиально иных – теоретических работ по истории. Именно это направление и привлекало П.Бицилли с его аналитическим складом ума.

РМ: Из нашего разговора следует, что сегодня работы П.Бицилли уже хорошо изданы, и доступны исследователям. А какие тексты П.Бицилли остаются все-таки как бы непрочитанными сегодняшними историками?

ТП: Не могу сказать обо всех „непрочитанных” работах, т.к. фундаментальный комплексный анализ всего творчества П.Бицилли еще ждет своих авторов. Хочу обратить внимание на одну из них – *Похвала музыке* (1931). Эта статья имеет относительно заверченный характер и одновременно мысли из этой работы проходят во многих других публикациях ученого. Музыка для Петра Михайловича – „язык сердца”, „искусство гармонии и контрапункта”, „образ *интеллектуальной* сферы жизни духа” [курсив П.Бицилли. – Т.П.]. Утверждая родство музыки и поэзии/литературы, П.Бицилли сравнивает *Войну и мир* Льва Толстого с бетховенскими симфониями, а *Балладу* Иннокентия Анненского – со второй сонатой Ф.Шопена. Подчеркивая различия между классической музыкой, в которой „гармония определялась мелодией”, и современной, в которой „сама мелодия определяется гармонией”, он позволил себе сравнить (что не поняли и не приняли Г.Адамович и В.Ходасевич) творчество В.Набокова (Сирина) с музыкой К.Дебюсси, И.Стравинского и С.Прокофьева. Это, убежден Петр Михайлович, – новая литература и новая музыка – выразители новой эпохи. Музыка для П.Бицилли выше литературы, т.к., по его мнению, любое литературное произведение „большой формы” никогда не будет „безусловно целостным и неделимым” в отличие от „совершеннейших музыкальных произведений той же формы”: „только в музыке возможно полное тождество „смысла” и его выражения, „внутренней” и „внешней” формы”. Думаю, что эта статья, как и разбросанные по многим иным публикациям ученого мысли о музыке, должны привлечь внимание филологов, историков, музыковедов, культурологов...

Возможно, в контексте Вашего вопроса следует говорить о проблемах, тематических направлениях, которые далеко еще не в полной мере вошли в сферу исследовательского поиска современных бициллиеведов. Это – проблемы *шаблонов, влияний и созвучий, проблема ритма и незавершенности, единства в многообразии* и многие другие, которые очень волновали ученого и нашли свое отражение во многих его работах.

РМ: А видение Европы и католичества у П.Бицилли? Насколько его идеи в этом плане актуальны, то есть – насколько его „видение” подтверждается реальными историческими событиями последних лет???

ТП: По своему мировоззрению П.Бицилли – не монархист, он, как и большинство интеллигенции – университетской профессуры, – был настроен либерально– демократически, как он сам писал в своих автобиографиях. Поклонник европейского образа жизни, сторонник многопартийности по образцу Соединенных Штатов, приверженец свободы творчества и системы образования, которая должна воспитывать „культурного человека” – личности, он одинаково не приемлет и „школу Делянова”, и „школу Луначарского”; „большевизм” со „зловещей маской Ленина” для него был категорически чужд. П.Бицилли был удручен состоянием Европы после Версальского мира, но верил в объединенную Европу – „Европейские Соединенные Штаты”. Подробной концепции будущего Европы у П.Бицилли нет (хотя на этот вопрос стоит обратить внимание), но одна его идея Единой Европы свидетельствует о его прогностической аналитике. Петр Михайлович – православный, но конфессионально независим / толерантен; Бог для него – во Всеединстве мира и человека, сугубо личностная сфера индивидуального „мироощущения”. Для П.Бицилли „история индивидуума” – Личности – приоритетна по сравнению с „коллективистской историей”, актуализированной в позитивистской и марксистской историографии. Он не терпит насилия и „ограничений” в любом виде, хотя и вынужден признать, что ограничения неизбежны: вторя Б. Спинозе, ученый часто повторяет – „ограничить, значит определить” ...

РМ: В сегодняшней ситуации нельзя не спросить о проблеме русско–украинских отношений в мировоззрении и публикациях П.Бицилли: могли бы Вы прокомментировать исторический контекст его статьи *Проблема русско– украинских отношений в свете истории?*

ТП: Эта работа (Прага, 1930) П.Бицилли снискала ему „дурную славу” украинофоба, возможно, поэтому имя ученого недостаточно привлекает внимание в украинском научном сообществе. Между тем работа эта весьма неоднозначна и может иметь много интерпретаций. История создания этой работы еще не написана, однако общеисторическим фоном является новый этап в процессе украинского *Возрождения* в 1920–е годы и, в частности, возможно, события, связанные с Первой всесоюзной конференцией историков– марксистов (Москва, декабрь 1928 – январь 1929), на которой украинская делегация продемонстрировала свою автономность и несогласие с рядом марксистских постулатов, о чем Петр Михайлович, который внимательно следил за жизнью в СССР, вероятно, знал.

Мне бы хотелось обратить внимание на два момента. Во–первых, тема „Украины” присутствует в наследии П.Бицилли. Анализируя декабристские организации и сравнивая состав декабристских „Обществ”, ученый писал: „Самым демократическим по составу было возникшее в Западной Украине отдельно от

этих обществ “Общество соединенных славян”, в котором членами были по преимуществу «разночинцы». Тараса Шевченко он называл „великим украинским поэтом” и посвятил ему юбилейную статью – к 120-летию со дня рождения Кобзаря. П.Бицилли был знаком с работами М.С.Грушевского и внимательно следил за событиями в СССР в целом.

Публикация статьи *Проблема русско-украинских отношений* имеет свои особенности. Стоит сравнить преамбулу от Редакционной коллегии издательства с текстом – „От автора”. В преамбуле издательства статья П.Бицилли трактуется целенаправленно: это – „призыв” к „единству всего русского народа” и обличение „укаинозаторов”, которые наносят вред „малороссам”. В тексте автора мы видим иное: во-первых, четко определена главная проблема статьи – проблема нации; во-вторых, задача статьи – „обращение” и к русским, и к украинцам (а не „малороссам” – sic!) в надежде на то, что оба народа смогут „сговориться друг с другом”; в-третьих, свои статьи – П.Бицилли имел в виду все публикации, в которых так или иначе затронута эта проблема, – ученый адресует к тем украинцам, которые воспринимают русско-украинские отношения как „культурно-историческую проблему”, а не как „вопрос “реальной” политики”.

Перспективу Европы П.Бицилли видел в ее превращении в Соединенные Штаты. Россию, которую теоретики будущего политического образования в свой состав не включали, П.Бицилли считал действительно *особым миром*, но „нынешняя Россия” в восприятии ученого – это „соединение ряда неизмеримых по размеру и по значению “национальных” республик, из которых многие являются “национальными” только по имени”.

Россия будущего, по П.Бицилли, это не “единая-неделимая” Россия прошлого, „не псевдо-федерация псевдо-национальных республик настоящего, а союз областей”. Именно в таких условиях, убежден ученый, открывается широкий простор для развития местных культурных особенностей, поэтому украинцы смогут свободно, „не подчиняя своей деятельности политическим по существу соображениям, творить “украинскую” культуру”. Заглядывая в будущее, П.Бицилли предполагал: „если, после падения большевицкой власти, народы и области России согласятся устроиться на демократическо-федеральных началах”, в Украине в этом объединении „разовьется свободно своя, местная, украинская культура”.

Конечно, трезво мысля, ученый допускал разного рода „осложнения” при двух вариантах развития событий: первый – Украина в „общерусском единстве”, второй – Украина „самоопределившаяся”. Для П.Бицилли формула той цели, к которой следует стремиться сообща и русским и украинцам – „единство в многообразии, дифференциация без дезинтеграции”.

Но как бы не оценивал П.Бицилли современную ему ситуацию „русско–украинских отношений”, он как историк– профессионал: во–первых, верил в то, что существует ритм истории – „исторический процесс есть процесс образования – и разложения” наций, империй и тому подобных субъектов истории; во–вторых, был убежден в возможности украинцев и русских „сговориться друг с другом”; в–третьих, не исключал, но допускал, что „экономически, и политически, и культурно Украина может развиваться и вне рамок Российской Империи и общерусской культуры”, и „эта перспектива настолько прекрасна, эта идея настолько заманчива, что не попытаться осуществить ее было бы преступлением”.

Увы, вряд ли Петр Михайлович Бицилли смог бы предположить такой вариант развития событий, который развернулся в наше трагическое время...

РМ: Да, Вы совершенно правы: той трагедии, которая происходит сегодня на наших глазах никто из российских интеллектуалов прошлого века предвидеть не мог, это безумие и братоубийственная война в прямом смысле слова.

Вместе со словами благодарности за этот разговор я хотел бы еще раз подчеркнуть, насколько важно осмысление прошлого для современности. Ведь даже в своих ошибках и утопиях „прошлое толкует нас”, говоря словами философа Эриха Соловьева. Оно объясняет нам, почему мы здесь и сегодня именно такие, а не иные. В нынешней ситуации очевидно нас ждет масштабная ре– интерпретация русско–украинских отношений (исторических и культурных), а вместе с тем и новое осмысление наследия тех интеллектуалов – жителей Российской империи, которые были напрямую связаны с украинской проблематикой: Николая Костомарова, Михаила Драгоманова, Владимира Вернадского. Мысли и идеи Петра Бицилли в этом контексте тоже становятся частью общей исторической мозаики XX века.

Dane kontaktowe / Contact details

Roman Mnich, Uniwersytet Warszawski;
e-mail: mnichrw@yahoo.de

Tetiana Popova, Uniwersytet w Odessie; e-mail: ikribl@wp.pl